

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«ЛУЧШИЕ МИРОВЫЕ
РЕТЕЛЛИНГИ»:

Ханна Уиттен
ДИКОЛЕСЬЕ
ДОЧЬ ДЛЯ ВОЛКА
ДОЧЬ ДЛЯ ТРОНА

Э. К. Уайз
ДОРОГАЯ ВЕНДИ

Интисар Ханани
КОЛЮЧКА

Дж. Дж. А. Харвуд
ТЬМА В ХРУСТАЛЬНОЙ ТУФЕЛЬКЕ

М. А. Казнир
ПОЛНОЧЬ В ЭВЕРВУДЕ

С. Т. Гибсон
КРОВАВОЕ ПРИДАНОЕ

Джессика С. Олсон
СПОЙ МНЕ О ЗАБЫТОМ

Екатерина Звонцова
ЭТО Я ТЕБЯ УБИЛА

Сара А. Паркер
КРОВЬ ХРУСТАЛЬНОГО ЦВЕТКА

Рошани Чокши
ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА
ЦВЕТОЧНОЙ НЕВЕСТЫ

Мэри МакМайн
КНИГА ГОТЕЛЬ

МЭРИ МАКМАЙН

Книга
Готель

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Mary McMyne
THE BOOK OF GOTHEL
Copyright © 2022 by Mary McMyne

Перевод с английского *Нади Тигровской*

Иллюстрация на переплете *Натальи Сорокиной (jwitless)*

МакМайн, Мэри.

М15 Книга Готель / Мэри МакМайн ; [перевод с английского Н. Горбачевой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-194735-4

Германия, 1156 год. Юная Хаэльвайс всегда чувствовала себя чужой в родной деревне. После смерти матери она бежит из дому и находит в лесу таинственную башню, о которой слышала в сказках: место, обещающее защиту любой женщине. Там Хаэльвайс встречает мудрую старуху, готовую взять её под своё крыло и обучить тому, что ещё недавно казалось девушке невозможным. Еретическим.

Как выяснилось, древняя магия существует не только в легендах.

Но не одна Хаэльвайс ищет убежище в башне Готель. Сбежавшая принцесса молит о помощи, и дружба с ней затягивает Хаэльвайс в мир старинных заклинаний, кровожадной знати и опасных секретов...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-194735-4

© Н. Тигровская, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Моей матушке

ПРОЛОГ

Дрохладный подвал, по крайней мере, подарил передышку от убийственной жары, обрушившейся на Шварцвальд, хотя пахло там, как в склепе, и я чуть не разбила свое больное колено, спускаясь по осыпающейся лестнице. У нее не было перил, а колено, как всегда, ныло к дождю. Ингрид Фогель преодолела ступени бесстрашно, несмотря на то что ее длинная белая коса и слезящиеся глаза давали понять: она старше меня не меньше чем на четыре десятка лет. Судя по всему, это была одна из тех счастливых восьмидесятилетних дам, для которых артрит оставался чем-то случающимся только с другими людьми.

Когда она включила свет, я прошла следом за ней через арку в древний каменный погреб, поражаясь тому, насколько он старый. Почти похожий на пещеру из тусклого камня, с изогнутыми дверными проемами и простыми опорами, подвал явно остался от гораздо более древнего строения, нежели крытый соломой дом наверху. Чем могло быть это место прежде, рассеянно подумала я, осматривая груды свертков и консервных банок в углу. Прежде чем вступить в свою должность в университете Северной Каролины, я провела пятнадцать лет в Германии — защищая док-

торскую, работая постдоком¹, читая лекции, — но то, как европейцы беспечно превращают старейшие помещения в склады, по-прежнему казалось мне кощунством.

— *Фрау профессор Айзенберг.* — Ингрид Фогель обратилась ко мне официально вопреки моим неоднократным просьбам называть меня Гертой. Она уже стояла рядом с неровной формы камнем, вынутым из пола, держа в руке древний сейф. Из нашей электронной переписки я знала, что рукопись должна быть внутри. — *Hier ist er.*

Тремя днями ранее фрау Фогель написала мне, чтобы рассказать о средневековой рукописной книге, обнаруженной в подвале дома ее покойной матери. Она сказала, что посещала мое выступление в Германии, хотя встречи с ней я не припомнила. В электронном письме фрау описала все, что ей известно о книге — та иллюминирована и написана на средневерхненемецком языке женщиной, — и спросила, не заинтересует ли меня такая находка. Во вложении были результаты радиоуглеродного датирования, подтверждающие возраст книги, и пример одной из страниц. Рукописный текст представлял собой мрачное стихотворение о Белоснежке на малоизвестном алеманнском диалекте; под ним было искусное изображение злой феи, танцующей на розе. Кроваво-красные губы, мертвенно-бледная кожа и копна черных волос.

Когда электронное письмо от фрау Фогель упало в мой почтовый ящик, я сидела у себя в кабинете, готовя программу для осеннего семестра и пытаюсь не обращать внимание на двух коллег-мужчин из постоянного штата, которые в коридоре болтали о своих последних публикациях.

¹ Постдок — ученый в Северной Америке, Западной Европе и Австралии, который уже получил степень доктора философии (PhD), но выполняет исследовательскую работу, чтобы продолжить академическую карьеру. Часто работа постдоком обязательна для карьеры в крупных организациях или университетах.

Сосредоточиться не получалось. У меня в горле стоял комок ужаса, такой огромный, что казалось, будто он перекрывает приток воздуха. В следующем году меня ожидала подача заявки на постоянную работу, и процесс ее одобрения в университете был суров. Мне требовался договор на печать, а мое исследование об отношении к женщинам в средневековых немецких иллюстрированных рукописях никуда не годилось. Его рассматривали в солидном издании, но один из рецензентов окрестил его предмет «*domestic minutiae*¹». Критика меня взбесила.

Столетиями писцы-сексисты оставляли огромные пробелы в своих работах и наших знаниях о жизни средневековых женщин, и я *пыталась* что-то с этим сделать. Рисунок с феей заставил меня ахнуть настолько громко, что один из коллег заглянул ко мне кабинет с вопросительным выражением на лице. Я выдавила из себя улыбку, одними губами ответила «все в порядке» и подождала, пока он вернется к разговору, прежде чем снова сосредоточиться на экране. Изображение было красочным и ярким; лицо феи на нем я бы описала не иначе как злобное. Сердце затрепетало от восхитительного волнения. Может ли быть, что я смотрю на некоего готического прародителя сказки о Белоснежке, каковой мы ее знали? Перспектива изучения чего-то нового — и настолько *другого* — вскружила мне голову.

Я немедленно ответила фрау Фогель, выразив интерес. От нее пришла необычная просьба описать мои религиозные убеждения. Такое любопытство меня покорило, но создало отчетливое впечатление, что меня проверяют, поэтому ответ я составила тщательно. Мои отношения с религией сложились непростыми. Меня воспитывали в католичестве, но я не ходила в церковь целую вечность — что, я надеялась, фрау Фогель поймет, учитывая мои шестьдесят четыре прослушанных в аспирантуре часа, посвящен-

¹ Бытовые мелочи (*лат.*).

ных предпосылкам крестовых походов. Какова бы ни была природа этой проверки, я, должно быть, ее прошла, потому что в следующее письмо были вложены новые цифровые снимки рукописи и просьба помочь ее прочесть. Дополнительных фотографий оказалось достаточно для того, чтобы на следующий день я села в самолет.

Теперь, когда я двинулась через подвал к фрау Фогель и ее сейфу, от предвкушения по коже забегали мурашки. У меня перехватило дыхание, и мне показалось, что я ощутила движение энергии в комнате, как будто буквально *почувствовав* падение давления перед надвигающейся бурей. Это меня встревожило, однако потом я узнала остальные симптомы, предвещающие мои слишком частые мигрени. Лампочка под каменным потолком стала неприятно яркой. Перед глазами у меня все поплыло. Головокружение, в котором я винила извилистую горную дорогу, вернулось. Ну конечно, мигрень начнется именно *сейчас*, подумала я, проклиная свое невезение.

Решив, что скоро придет пора принимать суматриптан, я заглянула в сейф. Внутри лежала глянцевая книга, потертая временем. Кожаная обложка чуть заметно поблескивала по краям, будто столетия назад была выкрашена золотой пылью. Когда я увидела, насколько богато она смотрится, с моих губ сорвался тихий выдох: кожу покрывала рельефная рамка с узором из ромбов, каждый из которых вмещал в себя замысловатые завитки. В самой же середине обложки был огромный рисунок, похожий на герб. Круг, украшенный ползущими змеями, большекрылыми птицами и зверьми, одновременно гротескными и прекрасными.

Ощущение заряженного воздуха усилилось, голова у меня закружилась сильнее. Я поморгала, пытаясь вернуть себе хоть какое-то подобие профессиональной отстраненности. Мигрень, подумала я — это она выбила меня из колеи.

— *Entschuldigen Sie*, — пришлось мне извиниться, чтобы нашарить в сумке баночку суматриптана.

Проглотив таблетку, я взглянула на фрау Фогель, безмолвно спрашивая позволения достать том. Она кивнула. Я взяла книгу за края, стараясь оставлять на обложке как можно меньше кожного сала. Та оказалась тяжелой для своих размеров. Я почувствовала слабый кисловатый запах кожи и ощутила ее возраст под кончиками пальцев. Снова посмотрела на хозяйку, иррационально страшась заглядывать внутрь, как будто меня не пригласили сюда именно для прочтения этого текста.

По лицу фрау Фогель расплылась веселая улыбка, собравшая кожу вокруг ее губ в морщинки.

— *Es ist alles gut.* Она не укусит.

Смутившись, я подняла обложку. На первой странице оказалось заявление об истинности содержимого, подписанное некоей Хаэльвайс, дочерью Хедды. Пальцы у меня дрогнули от желания пробежаться по подписи, хотя я прекрасно знала, что не стоит трогать чернила. Среди знатных женщин не было принято использовать имя родителя в качестве фамилии, и я никогда не встречала случаев, когда вместо отца упоминалась мать. Кем же была эта крестьянка, умевшая писать и выбравшая значиться только по материнской линии?

Заботясь о сохранности пигмента, я касалась только краев листаемых страниц. Чернила на удивление хорошо сохранились для такой старой рукописи, словно та и *не провела* долгие века под каменным полом подвала. Тонкий пергамент оставался гибким. То, что я предположила на основе снимков, оказалось правдой: рукопись украсили подобно священной книге, хотя сам текст выглядел как повествование, иногда перемежаемое рецептами и стихами, какие во времена его написания могли считаться исключительно еретическими молитвами.

Когда я принялась читать одну из них, статическое электричество вокруг стало настолько заметным, что волоски у меня на руках поднялись дыбом. Головокружение так уси-

лилось, что я задумалась, симптом ли это мигрени вообще. Но подавила непрошеную мысль, приказав себе сосредоточиться. Я приняла суматриптан. Скоро все пройдет.

Рукопись украшали красочные маргиналии¹ и поблекшие красные и золотые буквы в стиле бенедиктинских писцов, хотя в ней не было ни слова на латыни. Иллюстрации создавал мастер своего дела; рисунки так же изобиловали деталями, как фигурки монахов на молитвенниках. Но были крайне нехарактерными и неожиданными для иллюминированной книги того периода. Некоторые обыденные: мать и дочь в саду, повседневные сцены, деторождение, приготовление пищи. Иные — основанные на народных сказках. На одной странице черноволосая женщина в ярко-синем капюшоне как будто протягивала читателю на ладони припорошенное золотом яблоко. На другой призрачная фигура в голубом стояла на коленях в заросшем саду, раскинув руки и источая во все стороны лучи золотистого света. Я не могла не задержать внимание на изображении красивой темноволосой девушки, лежащей мертвой в чем-то напоминающем каменный гроб — глаза открыты, тело окутано бледно-голубыми завитками льда.

— Сможете ее прочитать? — тихо спросила фрау Фогель.

Ее голос прозвучал словно издалека. Я совсем забыла, что она рядом.

Я подняла голову. Ее глаза были прикованы ко мне.

— *Ja. Das ist Alemannish.* Мне нужно время.

— Сколько?

— Весь день, — ответила я. — По меньшей мере.

Несколько мгновений она смотрела на меня, затем кивнула на кресла-качалки в углу.

— Буду наверху, — сказала, ободряюще улыбаясь. — Я хочу знать все.

¹ Рисунки и записи на полях рукописных книг.

ЗАЯВЛЕНИЕ

Это правдивый рассказ о моей жизни.

Матушка Готель, так меня называют. По имени этой башни. Остроконечной каменной постройкой, увитой виноградной лозой и растущей промеж деревьев. Обо мне узнали из-за ребенка, которого я украла, из-за маленькой девочки, моей душечки. Рапунцель — я назвала ее в честь любимого растения ее матери. Мой сад славится изобилием: бесконечными рядами морозника и болиголова, тысячелистника и кровокорня. Я прочла множество травников и лечебников, говорящих о природных свойствах растений и камней, и знаю их все наизусть. Знаю, что делать с красавкой, медуницей и лапчаткой.

Я научилась врачеванию у ворожеи, сложению сказок — у своей матери. У отца, безымянного рыбака, не научилась ничему. Моя мать была повитухой. Этому я тоже научилась у нее. Женщины приезжают ко мне отовсюду, чтобы послушать мои истории, чтобы воспользоваться моими знаниями о травах. Бредя в башмаках и унылых юбках сквозь леса, они одна за другой несут свои потаенные печали через реку и через холмы, в надежде, что знахарка в башне сможет исцелить их недуги. После того как я даю им желаемое и взимаю плату, я свиваю истории, просеиваю воспоминания и шлифую обстоятельства своей жизни, пока те не заблестят, как самоцветы. Иногда женщины приносят ко мне мои же истории, изменившиеся от многих пересказов. В этой книге, под замком, я изложу правду.

На этом, семьдесят восьмом, году моего земного пути я запишу свою исповедь. Достоверную историю моей жизни, пусть ее и назовут еретической; хронику

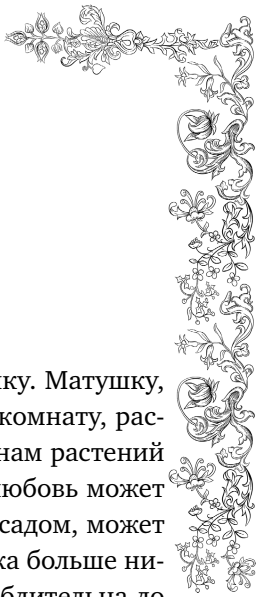
событий, которые затем были искажены, призванную исправить ложь, что повторяли, как правду. Это будет моя книга деяний, написанная в знаменитой башне Готель, окруженной высокими стенами, за которыми таятся цветы и травы.

Хэльвайс, дочь Хедды.

Год от Рождества Христова 1219-й

ГЛАВА

1

Истинное благо иметь любящую матушку. Матушку, которая оживает, когда тыходишь в комнату, рассказывает сказки перед сном, учит тебя именам растений в лесах. Но мать может любить чрезмерно, любовь может завладеть ее сердцем, как сорняки — целым садом, может пустить корни и расплзаться до тех пор, пока больше ничто не сможет расти рядом. Моя мать была бдительна до крайности. Она перенесла три мертворождения до моего появления и не хотела меня потерять. Когда мы ходили на рынок, она обвязывала мое запястье шнурком и никогда не позволяла мне бродить в одиночку.

Рынок таил для меня опасности, это несомненно. Я родилась с глазами цвета воронова крыла — ни оттенка, ни света в радужках — и к пяти годам страдала от странных обморочных припадков, из-за которых окружающие опасались, что я одержима. И словно этого было мало: когда я достаточно подросла, чтобы присутствовать на родах вместе с матерью, поползли слухи о моем необычайном повивальном даре. Задолго до того, как я стала ее ученицей, я умела точно определить, когда ребенок готов появиться на свет.

Чтобы не отпустить меня от себя, мать рассказывала, что по рынку бродит *киндефрессер*: демоница, выманивающая

